

**О ВОЗМОЖНОЙ «ПЕРЕСТРОЙКЕ» ПРОЦЕССА
ВОСПРОИЗВОДСТВА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

***ON POSSIBLE CHANGE-OVER REPRODUCTION PROCESS
IN ROSSIAN ECONOMY***

МАЛЫШЕВ ВАЛЕРИЙ (Valeriy Malishev)
ЦЭМИ РАН

Abstract: *In the article on an example of economy of Russia the opportunity of transition to a new estimation of activity of manufacturers is considered: with habitual for market economy of an estimation of process of reproduction as reproduction of products of the manufacture, determined limitation of this process by selling of a product of manufacture (criticized still K. Marx), on process of reproduction of resources of manufacture. The process overcoming this limitation, due to inclusion in process of reproduction of consumption of the made product as resource of manufacture. Association in one process of reproduction of two functions of the same products – in the first case as result, in the second – as expenses, will form a gnosiological basis of creation of uniform economic space in borders of the certain territorial formation (for example, a country).*

Key words: *Reproduction of resources of manufacture, reproduction of products of manufacture, privatization, liberalization, the manufacturer of products of manufacture. Effect of consumption, having poured resources of manufacture, the price of products of manufacture, competitive balance.*

Аннотация: *В статье на примере экономики России рассмотрена возможность перехода к новой оценке деятельности производителей: с привычной для рыночной экономики оценки процесса воспроизводства как воспроизводства продуктов производства, определяемой ограниченностью этого процесса сбытом продукта производства (критиковавшейся еще К. Марксом), на процесс воспроизводства ресурсов производства. Процесс, преодолевающий эту ограниченность, за счет включения в процесс воспроизводства потребления произведенного продукта как ресурса производства. Объединение в одном процессе воспроизводства двух функций одного и того же продукта – в первом случае как результата, во втором – как затрат, послужит гносеологической основой создания единого экономического пространства в границах определенного территориального образования (например, страны).*

Ключевые слова: *Воспроизводство ресурсов производства, воспроизводство продуктов производства, приватизация, либерализация, производитель продуктов производства. эффект потребления, перелив ресурсов производства, цены продуктов производства, конкурентное равновесие.*

(JEL classification: P 20)

Preliminary communications; Received: Mart 01, 2008

«Богатство образовательного, научного, творческого достояния России дает нам видимые преимущества для создания конкурентоспособной, основанной на интеллекте и знаниях экономики. Такой экономики, где основным двигателем являются не темпы освоения природных ресурсов, а именно идеи, изобретения и умение

быстрее других внедрять их в повседневную жизнь» - отметил в последнем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ В. Путин ([http:// president.kremlin.ru](http://president.kremlin.ru)). Эта задача была основополагающей и вначале «периода правления Путина». «Мы проигрываем в конкуренции на мировом рынке, все более и

более ориентирующемся на инновационные сектора, на новую экономику – экономику знаний и технологий» - говорил он в Послании Федеральному Собранию еще в 2000 году (Российская газета. 9 февраля 2008). По сути, эта же задача ставится им в программной речи «О стратегии развития России до 2020 года», когда, рассматривая возможность развития российской экономики в качестве реальной альтернативы «инерционному, энерго-сырьевому сценарию развития», он выдвигает *стратегию инновационного развития страны*. Таким образом, за весь период 2000-2007 гг. практически не произошло сдвигов в стратегических задачах развития нашей экономики. Возникает вопрос: почему? По нашему мнению, две основополагающие причины способствовали этому. Первая – революционный путь перестройки экономики, оказавший влияние на стратегию развития экономики России. Вторая, как это ни покажется странным, механизм функционирования экономики России в условиях директивности управления экономикой, хотя кажется, что реформаторы сделали все, чтобы в первую очередь «избавиться от директивного прошлого».

По нашему мнению они, действительно, избавились, но, к сожалению, далеко не от всех факторов функционирования механизма хозяйственной деятельности того периода. Причем, не избавились, как мы увидим ниже, от факторов, отрицательно влияющих на функционирование рыночной экономики России.

Революционность преобразований российской экономики, произошедшая, в основном, за счет единовременной либерализации цен и единовременной («обвальной») приватизации государственной собственности, как и всякая революция, не могла не вызвать и единовременного падения экономического потенциала страны. Произошел спад, объясняемый, чаще всего, «трансформационным спадом», спадом экономического развития, характерным для любой из стран в период перестройки экономики.

Не обсуждая спорности данного тезиса для любой из стран (в Китае, например, этого спада не было), хотелось бы лишь отметить, что спад экономического развития, по нашему мнению, происходит только при перестройке, определяемой революционными методами проведения мероприятий. Революции, обычно, определяют несколько признаков, из числа которых нам бы хотелось выделить три, как имеющих особое значение при революциях именно в экономике: Первый – дихотомность проведения мероприя-

тий. Революционные мероприятия, обычно, проводятся, исходя из отрицания «всего предшествующего» в пользу неизвестного для большинства будущего: в российской экономике этим отрицанием было проведение «шкотерапевтических» мероприятий. Второй – разрушение «всего предшествующего», без созидания, по крайней мере, на этапе революции, ничего нового. В российской экономике это, в частности, касалось механизма хозяйственной деятельности. Механизм, созданный при директивности управления экономикой, был разрушен, но не было создано нового механизма хозяйственной деятельности. Третий – революции носят единовременный характер, хотя их последствия, обычно, связаны с интегральностью проявления результатов.

Существенное отличие имеют *научно-технические революции*. Не углубляясь в анализ сравнений разных типов революций (это выходит за рамки данного изложения), отметим, что для научно-технических революций, по нашему мнению, наиболее целесообразна оценка, данная М. Блаугом, который, анализируя взгляды Т. Куна, приходит к выводу о том, для любого периода развития науки «характерно большое число взаимопроникающих парадигм». И что «...парадигмы не сменяют друг друга внезапно и уж во всяком случае новые парадигмы не возникают в полном блеске славы, а добиваются победы в результате долгого процесса интеллектуальной конкуренции» (Блауг 2004. С. 80).

Исходя из этого, научно-технические революции, с точки зрения экономических сдвигов в развитии, следует относить к *эволюциям*, то есть тем процессам, которые, в отличие от революционных, вызревают и возникают в рамках «старого» и не отрицают «все старое». А лишь кардинально, часто единовременно, преобразуют его за счет научно-технического прогресса, предполагая тем самым *ложное сходство* с революционными преобразованиями.

Подобного рода оценки нужны для того, чтобы показать, что революции в экономике, в отличие от революций в технологии производства, не приводят к подъему, а наоборот, как показал опыт России, предполагают, обычно, спад экономического развития, причем, как в российской экономике, на достаточно длительное время. Это, по мнению, Дж. Стиглица, роднит перестройку российской экономики с Октябрьской революцией 1917 года (1999, С. 3-30).

Революция в экономике России привела на первых этапах к функционированию произво-

дителей в соответствии с принципами, близкими к принципам *laissez-faire*, в дальнейшем трансформировавшимся в принципы «методологического индивидуализма» поведения российских производителей. Суть последних можно свести к тезису Л. фон Мизеса «все действия производятся индивидами» и «коллектив не существует вне деятельности отдельных членов» (2000, С. 43). Можно отметить, что Л. фон Мизес является одним из основоположников «методологического индивидуализма», однако его идеи в отношении поведения производителей являются общими, как для *laissez-faire*, так и для «методологического индивидуализма» поведения производителей. Предполагая полное господство микроуровня над макроуровнем, «методологический индивидуализм» обосновывал вседозволенность поведения производителей по отношению к партнерам по процессу воспроизводства продуктов производства. Интернальным ограничением этой вседозволенности является максимизирующее поведение, определяемое стремлением каждого из производителей продуктов производства к критерию максимизации прибыли.

Достаточно быстрая трансформация принципов *laissez-faire* в принципы «методологического индивидуализма», в *российской экономике проявившегося в виде монополизма*, в основе своей имела введение частного права собственности, а так же определенную специфику дореформенного развития. В частности, того, что отраслевой монополизм, существовавший в производстве при директивности управления (министерства – монополисты производители продуктов производства), очень хорошо «вошел в рынок». «Вошел в рынок», реально выразившись в переходе *от монополизма в производстве к монополизму в воспроизводстве продуктов производства*.

Первый отличается от второго тем, что монополист-производитель в условиях директивности был только «монополистом по форме» - монополистом, доходы которого от сбыта произведенной продукции не шли «в карман» самого производителя, а оставались в распоряжении государства. И монополист был лишен инициативы, как в сфере производства, так и в сфере распределения произведенных им продуктов производства. В отличие от этого «монополист по содержанию» - в условиях рынка в своей деятельности руководствуется инициативой, как в производстве, так и при распределении продуктов производства. Таким образом, от полностью «зарегулированных» государством отношений

производителей в процессе воспроизводства, российская экономика перешла к отношениям, в которых роль государства практически сводилась к фиксации *ex post* тех отрицательных явлений, которые возникли в результате революционной перестройки экономики.

С точки зрения институциональной организации функционирования экономики, на первых этапах реформирования стремление к освобождению от «всего предшествующего» привело к процессу, который можно определить как *институциональная энтропия*. Суть его состоит в отсутствии какой-либо упорядоченности хозяйственной деятельности в стране, то есть отсутствии механизма, который бы регулировал отношения производителей в процессе воспроизводства продуктов производства на микроуровне. Именно это состояние можно ассоциировать с принципами *laissez-faire*.

Но стремление производителя к как можно большей «свободе», по мнению некоторых ученых, предполагает обратное - необходимость большего вмешательства государства в микроуровневую деятельность. К этому выводу пришел, в частности, К. Поланьи, исследуя рыночные отношения в Великобритании в XVIII – XIX века: «Внедрение свободных рынков не только не избавляет от государственного контроля, регулирования и вмешательства, но, напротив, приводит к колоссальному увеличению их масштабов, - считает он. - Чтобы обеспечить свободное функционирование системы, правительству приходится все время быть начеку. Так что даже те, кто страстно жаждет избавить государство от лишних функций, для кого ограничение деятельности государства является мировоззренческой установкой, вынуждены наделять это самое государство новыми полномочиями, учреждениями и другими средствами, необходимыми для установления *laissez-faire*» (Polanyi 1944, P. 140-141).

К сожалению, это положение не было учтено при реформировании российской экономики, а потому возникли такие явления, как stagflation, инфляция издержек, резкий спад экономики и т.д., то есть все те явления, которые отражают несовпадение тенденций развития денежной и товарной массы в условиях несбалансированности экономики. Несбалансированности, как на макро, так и на микроуровне. Надежда на «спросовые ограничения» не оправдалась, так как последние *предполагают априорную возможность самостоятельного воспроизводства ресурсов производства у*

каждого из производителей. То есть предполагают тот механизм хозяйственной деятельности, который возникает при достаточно налаженных межотраслевых межфирменных отношениях каждого из производителей продуктов производства с каждым из потребителей этих продуктов как ресурсов производства.

Этот механизм самостоятельных межотраслевых межфирменных отношений не мог возникнуть в условиях централизованного распределения ресурсов производства при директивности управления экономикой, так же, как и при «институциональной энтропии», свойственной начальным этапам перестройки экономики России. Нет его и в настоящее время, хотя в экономике господствует точка зрения, выраженная, в частности, одним из адептов существующей ситуации В. Мау, по мнению которого, страна находится на том этапе развития, когда «...практически полностью исчерпанными оказываются резервы повышения экономической эффективности, консолидации роста исключительно на базе совершенствования собственно экономической сферы, экономического законодательства. Страна подошла к той фазе, когда дальнейшее экономическое развитие будет предопределяться состоянием политических и правовых институтов» (2005, С. 4-27).

В данной статье мы хотели бы показать, что, как раз наоборот, резервы повышения экономического развития и консолидации роста в настоящее время лежат именно в экономической сфере деятельности, причем не столько на макро, сколько на микроуровне – в деятельности производителей. Причем заранее отметим, что предлагаемые нами мероприятия не революционны, а эволюционны: они не затрагивают основ развития рынка, а лишь смещают акценты в деятельности производителей, в основном, акценты в их поведении в процессе воспроизводства.

Поясняя необходимость проведения мероприятий по реформированию экономической сферы деятельности, сошлемся на тот очевидный факт, что полной перестройки экономики России не произошло. *Произошла перестройка «надстройки» - производственных отношений производителей, но не «базиса» - структуры реального сектора экономики России.* Экономика России, как до перестройки, так и после нее - в настоящее время носит сырьевой характер. Возникает вопрос – почему? По нашему мнению, потому, что стоящая перед экономикой России задача пере-

стройка «базиса» в сторону преобладающей значимости высокотехнологичных продуктов производства не может произойти на основе «методологического индивидуализма» поведения производителей. «Методологический индивидуализм», изза принципов этого поведения, способствует не переливу, а аккумуляции ресурсов производства, что, по сути, предполагает *стагнацию структуры экономики.*

Таким образом, практически единовременно в российской экономике возник тот монополизм, на достижение которого в промышленно развитых странах ушли десятки лет перехода от первоначального накопления капитала к экономике *laissez-faire*, а затем к «методологическому индивидуализму». Однако «зависимость от прошлого» (*path dependence*) (Нестеренко 2002, С. 292.), несмотря на все стремление реформаторов избавиться от него, все же проявилась в менталитете производителей в условиях рынка. Проявилась в своеобразной привычке, причем «новых» российских производителей, пришедших к власти на «волне перестройки», формировать инвестиции не за счет собственной деятельности, а за счет государства (что было и при директивности управления), иностранных инвесторов, банков. То есть за счет «третьих» (кроме производителя и потребителя) организаций, не участвующих в процессе воспроизводства. Эта привычка, при отсутствии благоприятного «инвестиционного климата» в российской экономике, привела к тому, что обновления основных фондов в настоящее время практически не происходит.

Если в 1970 году, при централизованном распределении ресурсов производства, коэффициент обновления фондов по промышленности в целом составил 11,3%, коэффициент выбытия фондов - 1,9%, то в 2004 году, при необходимости самостоятельного воспроизводства ресурсов производства, коэффициент обновления фондов по промышленности в целом составил - 1,7%, коэффициент выбытия – 1,1% (Российский статистический ежегодник 2005, С. 341). Отметим, что уже в 2006 году резко поменялась отчетность по статистике: в частности, «исчез» раздел «промышленность», соответственно и коэффициенты обновления и выбытия по промышленности в целом, что затрудняет репрезентативность сопоставлений этапов развития экономики при директивности и в условиях рынка. Считаем, однако, что 2004 год репрезентативен, пока что, для характеристики настоящего этапа инвестиционной деятельности в российской экономике.

Все это ставит проблему создания благоприятного «инвестиционного климата» на приоритетное место при проведении государственных мероприятий. Можно отметить, что руководство страны, понимая, что существующий в настоящее время механизм хозяйственной деятельности не решает задач ни обновления фондов, ни повышения жизненного уровня населения, ни повышения в структуре экономики значимости высокотехнологичных продуктов производства, ни ускорения развития экономики, не имея иных методов руководства прибегает к «проверенным директивностью» методам, которые можно ассоциировать с *интервенционистскими*.

В частности, это руководство на основе приоритетных национальных проектов в сфере образования, жилищнокоммунального хозяйства, сельского хозяйства и образования, выполнение которых входит в прямую обязанность первого вице-премьера Правительства РФ Д. Медведева. И направление, определяемое повышением удельного веса в экономике военнопромышленного комплекса, и других отраслей высокотехнологичных продуктов производства, прямое руководство которым осуществляется другим первым вице-премьером – С. Ивановым.

В. Ойкен, характеризуя интервенционистскую политику, проводимую промышленно-развитыми странами в XIX – начале XX века, отмечает одно важное обстоятельство: «...он (интервенционизм – В.М.) не означал принципиального отхода от политики, которая оставалась в частных руках формирование экономического порядка.... речь шла о строго пунктуальном вмешательстве. Не предпринималось никаких попыток принципиальной перестройки экономического порядка. Следовательно, мы можем воздержаться от особого рассмотрения экономической политики интервенционизма» (Ойкен 1995, С. 81).

Конечно, нельзя сомневаться в том, что интервенционизм при «строго пунктуальном вмешательстве» в отмеченные сферы деятельности, повысит потенциал российской экономики даже при «методологическом индивидуализме» поведения всех производителей. Однако его использование не изменит институциональных основ функционирования производителей. Для определения влияния на развитие экономики интервенционизма (как административного принципа осуществления мероприятий) целесообразно провести градацию принципов поведения производителей при «методологическом индиви-

дуализме». При господстве интерналий и первичности права собственности.

Основной принцип поведения определяется максимизирующим поведением, ориентированным на критерий максимизации прибыли. Далее следует отметить когерентные (обуславливающие друг друга) признаки: стремление отдельных производителей к внутриотраслевой межфирменной конкуренции и к межотраслевой межфирменной коммерческой тайне, ко всем тем признакам, которые абсолютизируют поведение производителя как индивида в процессе воспроизводства продуктов производства. Следует учесть и эндогенные, зависящие от менталитета производителя признаки, главным из которых является стремление к аккумуляции ресурсов производства (капитала¹), в основе которого лежит поведение, определяемое внутриотраслевым научно-техническим прогрессом² как фактором, способствующим максимизации прибыли за счет минимизации издержек на производство продуктов производства.

По нашему мнению, интервенционизм окажет положительное влияние на развитие только тех сфер деятельности, в которых будут использоваться эти принципы управления. Но это будет, скорее всего, тактический выигрыш, который может и не привести к стратегическим сдвигам в развитии экономики России в целом. Стратегический выигрыш, по нашему мнению, должен быть обусловлен мероприятиями не только в сфере производства продуктов производства, но и в сферах потребления этих продуктов как ресурсов производства. Это должны быть мероприятия, затрагивающие не только сферы производства продуктов производства (например, производство нанопродуктов), но и сферы потребления этих продуктов как ресурсов производства.

¹ В данном случае, понимая капитал в общепринятом его определении как «стоимость, приносящую прибавочную стоимость», мы рассматриваем стремление к аккумуляции ресурсов производства как физическую форму капитала, являющуюся реальным источником прибавочной стоимости в производстве продуктов производства.

² В ряде наших работ мы проводим разницу между внутриотраслевым научно-техническим прогрессом, служащим максимизации прибыли производителя продуктов производства, и межотраслевым научно-техническим прогрессом, определяемым технологическим детерминизмом межотраслевых межфирменных отношений (межотраслевого межфирменного сотрудничества) производителей как потребителей ресурсов производства. См., например, Малышев В.А. Интеграция экономики – будущее России: от воспроизводства продуктов производства к воспроизводству ресурсов производства. М.: Современная экономика и право. 2006. С. 41-42.

Не следует забывать, что только сфера потребления продуктов производства позволяет превратить продукт производства из «вещи в себе» в «вещь для нас».

В связи с этим, нами предлагается изменение оценки деятельности российских производителей: *с принятой в настоящее время оценки их деятельности как производителей продуктов производства на оценку этой деятельности как потребителей ресурсов производства, соответственно, изменение оценки процесса воспроизводства – с воспроизводства продуктов производства на воспроизводство ресурсов производства*. Ниже мы более подробно рассмотрим изменение поведения производителей в этом случае. Здесь же отметим, что это изменение оценки деятельности производителей позволит осуществлять развитие экономики за счет приоритетности взаимосвязанного в границах территории России научно-технического прогресса при воспроизводстве ресурсов производства, в отличие от приоритетности финансовых результатов деятельности отдельных производителей при воспроизводстве продуктов производства, характерных для «методологического индивидуализма» поведения производителей в настоящей экономике России.

При «методологическом индивидуализме» научно-технический прогресс - вторичный фактор в деятельности производителей. Подчеркивая это, Д. Ходжсон отмечает: «Когда дело доходит до вопросов определения и трансформации технологии, ортодоксальная экономическая теория трактует технологию как нечто заданное и лишённое социального содержания, как будто технология никак не связана с системой отношений в промышленности, ни с методикой организации труда внутри фирмы. *Технология воспринимается как явление природы, изучение которого выходит за рамки какой-либо социальной науки* (выделено мною – В.М)» - Ходжсон 2003, С. 43.

В качестве эволюционных признаков, объединяющих все направления развития экономики в условиях рынка, следует отметить те, которые лишь меняют свою значимость при различных направлениях развития. По нашему мнению, это два взаимосвязанных признака: отмеченное выше право собственности на ресурсы производства и результаты производства, и инициатива производителей в процессе воспроизводства, как продуктов, так и ресурсов производства. Практика взаимосвязи этих признаков в экономике России определяется динамикой поведения производителей: от убеждения в том, что формы экономического развития станут формироваться

сами собой, к той ситуации, когда по мнению К. Поппера, «задача социальной теории заключается в том, чтобы построить и внимательно анализировать социологические модели с дисриптивной или номиналистической точки зрения, то есть с точки зрения индивидов, их взглядов, ожиданий, взаимоотношений и т. д.» (Поппер 1993, С. 136).

Анализ «с точки зрения индивидов» позволяет сделать вывод о более быстрой, чем экономика промышленно-развитых стран, трансформации экономики России от принципов *laissez-faire* к принципам «методологического индивидуализма». Почему более быстрой? По нашему мнению, этому способствовали несколько факторов.

В частности, отсутствие при перестройке экономики России периода, который в истории экономики промышленно-развитых стран получил название периода первоначального накопления капитала. Сущность этого периода достаточно широко известна, и обычно ассоциируется с урбанизацией населения, накоплением капитала и возникновением промышленных предприятий.

Мы же хотим обратить внимание на несколько иную сторону этого периода: на выработку понимания производителем первичности воспроизводства ресурсов производства, по отношению к воспроизводству продуктов производства. Отсутствие понимания первичности воспроизводства основных фондов у «новых» российских производителей приводит к тому, что задачу воспроизводства ресурсов производства, в отличие от производителей промышленно-развитых стран, они считают функцией не своей деятельности, а государства, иностранных инвесторов, банков и т.д. Отсюда постоянные доклады в Государственной Думе и на заседаниях Правительства РФ о необходимости помощи государства развитию данной отрасли, столь модное в настоящее время словечко «лоббирование», отсюда же и стремление, как например, РАО «ЕЭС», обеспечить инвестирование генерирующих компаний за счет иностранных инвесторов.

Другая причина, по которой инвестиционная деятельность находится на исключительно низком уровне – это тот факт, что революция в экономике сломала механизм централизованного распределения ресурсов производства, который служил основой обеспечения их *перелива*. Отсутствие перелива ресурсов производства, объясняемое при критериях «методологического индивидуализма» стремлением про-

изводителей к их аккумуляции, привело к дифференциации всех производителей по возможности самостоятельного воспроизводства ресурсов производства на «сильные» - конкурентоспособные и «слабые» - неконкурентоспособные.

Следует особо отметить, что конкурентоспособность производителей в настоящее время определяется, в основном, исходя не из внутристрановой, а внешнеторговой конкурентоспособности продуктов производства. Этому способствовала ликвидация монополии внешней торговли.

Ликвидация монополии государства на внешнеторговую деятельность привела к возможности аккумуляции рядом производителей, в основном, топливносырьевого сектора, тех доходов, которые ранее перераспределялись централизованно в зависимости от необходимости выполнения тех или иных государственных заданий. Однако, несмотря на существенный приток доходов в эти отрасли, они, из-за отсутствия у производителей-монополистов понимания первичности воспроизводства ресурсов производства, не используются для расширенного их воспроизводства, что обычно для производителей промышленно-развитых стран. Например, даже в такой рентабельной отрасли как топливная промышленность России степень износа основных фондов в 1995 году была равна 50,1%, а в 2004 году – 51,1%. В то время как, например, в 1970 году этот показатель был равен 34,7% (Российский статистический ежегодник 2005, С. 391).

К сожалению, пока лишь в стадии исследования «западного» опыта находится возможность использования в российской экономике институционального направления развития. Дело в том, что принципиальной особенностью этого направления является эволюция развития экономики, основанная на рутинизированном поведении производителей. Определяя этот термин, Р. Нельсон и С. Уинтер считают, что «употребление этого термина охватывает широкий диапазон деятельности фирм, начиная от вполне конкретных технических методов производства товаров и услуг и далее через процедуры найма и увольнения, заказов нового оборудования или увеличения предметов повышенного спроса, вплоть до политики в области инвестирования» (2002, С. 35).

Таким образом, термин *рутина* охватывает практически весь спектр деятельности производителей, включающий не только простое, но и

расширенное воспроизводство продуктов производства. Важность для нас представляет так же и тот факт, что, по мнению Р. Нельсона и С. Уинтера, «ключевой пункт в построении экономической теории (институционализма – В.М.) состоит в том, что к категории, обозначенной термином «рутина» относят большую часть *нормального и предсказуемого* в деловом поведении, в особенности если мы полагаем, что этот термин включает те относительно неизменные предположения и эвристические методы при выработке стратегии, который формируют подход фирмы к стоящим перед ней нерутинным проблемам» (Там же, С. 36).

Нормальность и предсказуемость предполагают формирование морально-этических правил поведения производителей в результате эволюции менталитета производителей: от господства интерналий к приоритетности экстерналий. Как отмечалось, перестройка экономики предполагала полное разрушение, как предшествующего механизма хозяйственной деятельности, так и менталитета производителей. Рыночных правил поведения как рутинизации черт прошлого менталитета в экономике России не могло возникнуть из-за директивного прошлого. К сожалению, кроме той отрицательной для условий рынка «привычки» к «чужим» инвестициям, о которой мы писали выше. Не способствует возникновению экстерналий в поведении производителей и настоящая ситуация, при которой в абсолют возводятся принципы «методологического индивидуализма». Этому бы способствовало внедрение в практику принципов институционального направления развития, которое можно оценить как шаг вперед по отношению к принципам «методологического индивидуализма». Шаг вперед, если рассматривать это развитие с точки зрения повышения экономического потенциала страны в целом, так как критерий минимизации транзакционных издержек³, по нашему мнению, имеет значимость как экстернальный фактор межотраслевых межфирменных отношений производителей.

Хотелось бы отметить, что этот аспект транзакционных издержек пока что слабо затрагивается в западной литературе. В частности, сторонники школы прав собственности считают, что основой решения сложностей при меж-

³ Основной критерий при институциональном направлении развития экономики. См., в частности, Р. Коуз. Природа фирмы. В книге: Фирма, рынок и право. М.: Дело. 2003. С. 37-38.

траслевых межфирменных отношениях должна стать минимизация транзакционных издержек за счет расширения фирм, а не использования экстерналий. Выражая эту точку зрения, один из представителей школы прав собственности - Х. Демсец считает, что «Первостепенная функция прав собственности – создавать стимулы к достижению большей интернализации экстерналий» (Demsetz 1967, P. 347-359). Однако это расширение имеет свои пределы, которые, по мнению Р. Коуза, определяются «убывающей доходностью управления» Н. Кальдора. И именно оно не позволяет управлять всем производством страны как «одной большой фирмой» (1993, С. 40-41). Но это, по нашему мнению, следствие, хотелось бы раскрыть причину: почему возникает убывающая доходность управления. Ответ на этот вопрос кроется в аксиоматичной для «западных» производителей ограниченности процесса воспроизводства сбытом продукта производства. Эта ограниченность была отмечена еще К. Марксом, который в «Экономических рукописях» отметил два вида «потребления-производства». Первое – это *производительное потребление*. «Индивид, развивающий свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же как естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил» (1980, С. 26). И далее: «Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они (экономисты – В.М.) называют *производительным потреблением*» (выделено К. Марксом – Там же, С. 27).

Однако, отмечает он, производительное потребление выдвигается экономистами только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, по мнению К. Маркса, понимается «как уничтожающая противоположность производства». «Что, например, в процессе питания, представляющем одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, - это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это – *потребительное производство*» (выделено мною – В.М.)... Таким образом, это потребительное производство, - хотя оно есть непосредственное единство производства и потребления, - существенно отличается от собственно производства» (Там же).

Но К. Маркс отмечает, что «...потребление, рассматриваемое не только как конечный пункт, но так же и как конечная цель, - лежит, собственно говоря, *вне политической экономики* (выделено мною – В.М.), за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу». То есть по К. Марксу потребительное производство не изучается политэкономией, политэкономией изучается только производительное потребление как потребление, входящее в процесс воспроизводства, ограниченного сбытом продукта производства, так как только в этом случае оно дает «начало всему процессу воспроизводства» как воспроизводства продуктов производства.

Почему не изучается, К. Маркс не дает ответа, определяя данное положение как аксиому. Можно отметить, что и последующие экономисты, анализирующие проблемы рыночной экономики, воспринимали и воспринимают как аксиому оценку потребления только как производительного потребления – потребления для производства продукта производства. Почему подобное происходит, что является основой подобного восприятия потребления, как и подобной оценки процесса воспроизводства? По нашему мнению, в условиях рынка этой причиной является все та же первичность права собственности, пронизывающего все стороны деятельности производителей в условиях рынка. Все теории рыночной экономики, не говоря о практике, не могут преодолеть первичности этого права. От полного господства в поведении производителей при принципах *laissez-faire* и «методологическом индивидуализме», до определенного снижения приоритетности этого права при институциональном направлении развития экономики.

Но и институциональное направление, не преодолевает Рубикон права собственности. А ограничивается тем, что признает главенство экстерналий в поведении производителей в форме *морально-этических «правил игры», используемых при консультативных формах контрактных соглашений*⁴. Но при сохранении многих из критериев поведения производителей, присущих «методологическому индивидуализму»: внутриотраслевой межфирменной конкуренции и межотраслевой межфирменной коммерческой тайны, а потому

⁴ О консультативных формах контрактных соглашений см., например, В.Л. Тамбовцев. Введение в экономическую теорию контрактов. М.: ИНФРА-М. 2004. С. 34-38.

максимизирующего поведения и стремления к аккумуляции ресурсов производства.

Именно поэтому критерий минимизации транзакционных издержек как критерий минимизации издержек межотраслевых межфирменных отношений, как показал опыт промышленно развитых стран, приводит экономику к равновесному состоянию только как состоянию конкурентного равновесия. Равновесия, достигаемого через длительное время выработки у производителей понимания первичности межотраслевых межфирменных отношений в процессе воспроизводства ресурсов производства, в сравнении с внутриотраслевыми межфирменными отношениями в процессе воспроизводства продуктов производства.

Вводя оценку воспроизводства как воспроизводства ресурсов производства, мы считаем, что именно в этом случае потребление включается в процесс воспроизводства и преодолевается ограниченность воспроизводства сбытом продукта производства. Процесс воспроизводства ресурсов производства объединит процессы производства продукта производства и использования продукта производства как ресурса производства.

Чтобы понять отличие этого процесса воспроизводства от процесса воспроизводства продуктов производства отметим, что *в процессе воспроизводства одного продукта участвуют два разных продукта производства, а в процессе воспроизводства ресурсов производства – один продукт участвует в процессе воспроизводства двух разных продуктов производства*. В первом процессе – как продукт производства, во втором – как ресурс производства.

Процесс воспроизводства ресурсов производства объединяет всех производителей как потребителей ресурсов производства. Таким образом, этот процесс является кругообразным, замкнутым в границах определенного территориального образования: в нашем случае страны – России. А потому если воспроизводство продуктов производства прерывается сбытом продукта производства, то воспроизводство ресурсов производства является теоретически не прерываемым. Сбыт продукта производства, прерывающий процесс воспроизводства как воспроизводства продуктов производства, при прямых отношениях производителей выпадает из процесса воспроизводства как воспроизводства ресурсов производства.

Если представить процесс воспроизводства машины как ресурса производства, предпо-

ложим, это угледобывающий комбайн, то процесс воспроизводства продукта производства оканчивается процессом сбыта угледобывающего комбайна. Процесс воспроизводства угледобывающего комбайна как ресурса производства определяется, во-первых, процессом его производства, во-вторых, процессом его потребления при добыче угля. Таким образом, в каждом из процессов воспроизводства объединяются интересы производителя продукта производства и потребителя этого продукта как ресурса производства.

Те интересы, которые при воспроизводстве продуктов производства, как известно, противоположны: первый стремится продать дороже, второй – приобрести дешевле. Если учесть, что каждый из производителей продукта производства на определенном этапе процесса воспроизводства становится потребителем продукта производства, то ясно, что именно эта аксиома может стать основой объединения всех российских производителей в едином процессе воспроизводства ресурсов производства в границах территории России.

Внедрение этой оценки процесса воспроизводства в практику хозяйственной деятельности, конечно, натолкнется на ряд препятствий, определяемых настоящей практикой функционирования производителей. Основное из них – право собственности.

Мы уже отмечали, что право собственности – это тот первичный элемент рыночной экономики, который не могут преодолеть производители промышленно-развитых стран при всех направлениях развития экономики. Не могут преодолеть потому, что этого преодоления нельзя добиться при морально-этических правилах межотраслевых межфирменных отношений, так как морально-этические формы не предполагают единства трактовки правил поведения производителей: все зависит от менталитета каждого из производителей, а он может быть различен. Поэтому, как производитель, так и потребитель действуют в условиях неполной информации, принуждающей их к «ограниченной рациональности»⁵.

Именно в этом, по нашему мнению, заложены корни многих отрицательных черт рыночной экономики: и возможность возникно-

⁵ Об ограниченной рациональности см., например, Саймон Г. Теория принятия решений в экономической науке о поведении // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа. 1995. С. 54-72.

вения кризисов, и длительность достижения экономикой состояния конкурентного равновесия, и дифференциация экономики по возможности самостоятельного воспроизводства ресурсов производства, и возможность аккумуляции ресурсов производства отдельными производителями.

Предлагаемая нами оценка процесса воспроизводства как воспроизводства ресурсов производства преодолевает это ограничение за счет внедрения в поведение производителей принципа «прозрачности информации». Этот принцип означает предоставление информации, как потребителем производителю, так и производителем потребителю, в процессе воспроизводства ресурсов производства. Причем предоставление информации, исходя из стремлений самих производителей к *межотраслевому межфирменному сотрудничеству*, которое придет на смену эмпирике и неопределенности межотраслевых межфирменных отношений, свойственных в настоящее время отношениям производителей промышленно-развитых стран.

При «прозрачности информации» место морально-этических принципов займут расчетные принципы, основанные на *взаимовыгодном сотрудничестве* каждого из производителей продуктов производства с каждым из потребителей этих продуктов как ресурсов производства. Взаимовыгодное сотрудничество, в первом приближении, определяется нами как сотрудничество производителя и потребителя, определяемое равной нормой прибыли как показателем эффективности использования ресурсов производства.

Равная норма прибыли при межотраслевом межфирменном сотрудничестве станет залогом долгосрочности экономического равновесия. Долгосрочность взаимовыгодных отношений при «прозрачности информации» сменит не долгосрочность конкурентного равновесия, возникающего из-за неопределенности межотраслевых межфирменных отношений между производителем и потребителем продуктов производства. Важно отметить, что именно эта неопределенность является фактором кризисов, которые, по мысли, Й. Шумпетера (с которой мы солидаризируемся), по большей части, таятся в самой экономике, и возникают в результате неравновесия спроса и предложения на новые продукты производства (1982, С. 396 -397).

Предлагаемая нами оценка процесса воспроизводства как воспроизводства ресурсов производства существенно снизит возможность возникновения кризисов из-за того, что внутри-

отраслевой научно-технический прогресс, направленный на максимизацию прибыли производителя продукта производства, сменится межотраслевым научно-техническим прогрессом, направленным на повышение научно-технического уровня потребления продуктов производства как ресурсов производства.

Межотраслевой научно-технический прогресс станет основой развития экономики России, «оттеснив» на второй план максимизирующее поведение производителей. Возникнет ситуация, при которой монополизм в производстве будет выгоден для развития экономики России, так как при первичности принципов механизма межотраслевого межфирменного сотрудничества монополист-производитель будет стремиться к повышению доходов не за счет конъюнктурной составляющей сбыта продукта производства, а за счет снижения издержек при потреблении продукта как ресурса производства. Это особенно злободневно для отрасли инфраструктуры услуг. Правда, в настоящее время, при теперешнем менталитете производителей-монополистов, думается, практически невозможно представить ситуацию, когда бы монополист в электроэнергетике или транспорте стремился бы к снижению издержек населения на оказание этих услуг.

Практически деятельность производителя продукта производства при оценке процесса воспроизводства как воспроизводства ресурсов производства выразится в его заинтересованности не только в процессе производства продукта производства, но и в процессе его потребления в любой из сфер использования продукта как ресурса производства. Реально это будет означать заинтересованность производителя не в цене производимого продукта производства, а в эффекте потребления этого продукта как ресурса производства. Это будет предполагать реформирование ценообразования с тем, чтобы от разрозненной методологии, зависящей от отраслевой принадлежности продукта производства, перейти к единым принципам определения цен, вне зависимости от отрасли – производителя продукта производства. Основное требование к каждой из этих цен – наличие эффекта от использования продукта производства как ресурса производства, требование, обычное для цен продуктов производства, производимых в промышленно-развитых странах.

Однако принципы ценообразования, используемых производителями этих стран не

смогут использоваться при предлагаемой нами оценке процесса воспроизводства. Не смогут, так как исходят из коммерческой тайны межотраслевых межфирменных отношений, а потому определяют невозможность учета производителем продукта производства эффекта, получаемого потребителем произведенного им продукта как ресурса производства. В ценообразовании есть лишь один принцип ценообразования, который соответствует этой возможности: это принцип образования *цен – аналогов «объективно обусловленных оценок»* Л. Канторовича (1961), который в практике хозяйственной деятельности до перестройки использовались лишь в достаточно узкой области расчета цен на новую продукцию производственно-технического назначения. Цены, образуемые на основе этого принципа, получили название *верхнего предела цен*⁶.

Эти цены в процессе воспроизводства ресурсов производства будут играть иную роль, чем при воспроизводстве продуктов производства. Если в последнем процессе роль цен сводится к *стимулирующим функциям*, определяемым максимизирующим поведением производителя, то при воспроизводстве ресурсов производства, при «прозрачности информации» межотраслевого межфирменного сотрудничества это будет *распределительная функция цен*. Распределительная функция, определяемая функцией распределения эффекта, получаемого от эксплуатации продуктов производства как ресурсов производства между каждым производителем продукта производства и каждым потребителем этого продукта как ресурса производства.

Использование этой функции цен в качестве основополагающей при воспроизводстве ресурсов производства ориентирует развитие экономики России на межотраслевой научно-технический прогресс. Тот прогресс, который, в отличие от внутриотраслевого научно-технического прогресса, будет служить не максимизации прибыли производителя продукта производства, а повышению научно-технического уровня потребителя (потребителей) продукта производства как ресурса производства. Именно межотраслевой научно-технический прогресс приведет к

превалированию значимости в развитии экономики интегральности эффекта перед единовременностью, фундаментальных перед прикладными исследованиями, и, в конечном итоге, к увеличению в производстве и экспорте значимости высокотехнологичных продуктов производства.

Исходя из этого, основу дальнейшего развития экономики России мы видим в либерализации экономики за счет снижения влияния государства на микроуровневую деятельность. Но в то же время за счет увеличения значимости экстерналий в виде расчетного механизма межотраслевого межфирменного сотрудничества в процессе воспроизводства ресурсов производства, функционирующего на основе стремления самих производителей.

Литература:

- [http:// president.kremlin.ru](http://president.kremlin.ru)
Блауг М. Методология экономической науки. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 2004. С. 80.
Стиглиц Дж. Куда ведут реформы (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. №7. С. 3-30.
Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика. 2000. С. 43.
Polanyi K.. The Great Transformation. New-York: Rinehart. 1944. P. 140-141.
Мау В. Экономическая политика в 2004 году: поиск модели консолидации роста// Вопросы экономики. 2005. №1. С. 4-27.
Нестеренко А. Н. Экономика и институциональная теория. М.: УРСС. 2002. С. 292.
Российский статистический ежегодник. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2005. С. 341.
Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. С. 81.
Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М.: Дело. 2003.
Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс. 1993. С. 136.
Нельсон Р. Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело. 2002. С. 35.
Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело. 1993.
Demsetz H. Towards a Theory of Property Rights // American Economic Review. 57.1967. P. 347-359.

⁶ Верхнего предела цен из-за того, что отражал тот предел цены, который потребитель продукта производства мог дать его производителю: при расчете этой цены на основе равновыгодности использования нового и старого (базового) продукта производства у его потребителя. Исходя из этого, верхний предел цены определялся на основе приращения эффекта потребления от замены старого (базового) продукта производства новым.

Маркс К. Экономические рукописи. 1867-1861. М.: Издательство политической литературы. 1980. С. 26.

В. А. Тамбовцев. Введение в экономическую теорию контрактов. М.: ИНФРА-М. 2004.

Саймон Г. Теория принятия решений в экономической науке о поведении // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа. 1995.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс. 1982. С. 396 -397.

Кантрович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Экономика. 1961.